

кровопролиться, но убоявся суда божия, створися мний в них (т. е. в Ольговичах), хулу и укор прия на ся от братье своя и от всех, по рекшему: любите враги ваша“ (стр. 215).¹ Аналогичный случай — один эпизод в известном рассказе под 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев, где Игорь, после взятия его в плен, предстает перед нами в образе „идеального“ князя, умирительно сокрушающегося о грехах своих. Имею в виду тот эпизод рассказа, где Игорь произносит длинный монолог, по структуре своей напоминающий те „плачи“ и „молитвы“, которыми время от времени обычно утешают себя герои повести: Игорь здесь подробно перечисляет (согласно с историческими фактами) все преступления, совершенные им в жизни, чистосердечно раскаивается, выражает желание даже принять „мучения“ венец, обращается к богу с молитвой простить все его тяжкие прегрешения и не отринуть его совсем „до конца“. Монолог Игоря построен по всем правилам агиографической риторики, в данном случае рассчитанной на полную реабилитацию этого князя, столь опрометчиво отворившего ворота половцам „на Русьскую землю“; одна риторическая фигура сменяет другую, ритмично чередуются предложения одной и той же синтаксической конструкции: „...Где ныне возлюбленный мой брат! Где ныне брата моего сын! Где чадо рожения моего! Где бояре думающеи! Где мужи храбрьствующеи! Где ряд польчный! Где кони и оружья многоценная!“ (стр. 434). Речь Игоря тем отчетливее выделяется на фоне рассказа, что после нее рассказ продолжается в том же суховато-деловом тоне, как и раньше — до этой речи: „...розведени быша, и пойде каждо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именовь Чилбук, а Всеволода брата его ял Роман Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюк в Вобурчевичех...“ (стр. 434).

В свою очередь, элементы документальности, не только по содержанию, но и по изложению, не менее отчетливо обнаруживают себя в летописной повести, пробиваясь сквозь стиль. Они налицо даже в повестях, где исторические события подверглись в особенности сильной агиографической переработке, — например, в повести о смерти Ростислава Мстиславича, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского.

Несомненно исторически документален рассказ летописца о болезни Ростислава Мстиславича: возвращаясь в Киев из поездки в Новгород — он поехал туда, чтобы уладить конфликт сына Святослава с новгородцами, — Ростислав, по пути в Новгород, тяжело заболел; в Смоленске, где он остановился, возвращаясь назад, сестра его Рогнедь, видя „велими изнамагающа брата“, стала его просить переждать болезнь в Смоленске — „в своем ему зданьи“, но князь не согласился: велел вести

¹ Под 1140 г. летописец так же интерпретирует вынужденный отъезд Вячеслава Владимировича из Киева: „...противу не изиде (Всеволода Ольговича), не хотя крове проляти, но створися мний“ (стр. 217).